

М. Гофман

ВОЙНА

УПУЩЕННЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Макс Гофман

Война упущенных возможностей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22216086

*М. Гофман. Война упущенных возможностей: ООО «Издательство К. Тублина»; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-8370-0805-4*

Аннотация

В своих мемуарах генерал Макс Гофман – один из высших немецких военачальников периода 1914–1918 годов – анализирует причины поражения Германии в Первой мировой войне. Наиболее интересные страницы книги – подробные воспоминания об участии Германии и Великобритании в подготовке революции в России. Гофман сыграл основную роль в заключении Брестского мира с большевиками. Ради этого мира он создавал целые государства. «В действительности Украина – это дело моих рук, а вовсе не творение сознательной воли русского народа. Никто другой, как я, создал Украину, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с одной частью России...» – говорил он в одном из интервью. В России книга ограниченным тиражом выходила в 1925 году. Впоследствии была изъята из библиотек и помещена в спецхран. С тех пор не переиздавалась.

Предисловие к книге, отражающее дух своего времени, написал известный советский историк Владимир Гурко-Кряжин.

Содержание

От издателя	6
Предисловие	8
Предисловие	14
Глава первая. Несколько слов о Русско-японской войне	16
Глава вторая. Отозвание генерала фон Притвиц-Гафрона	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Макс Гофман

Война упущенных

возможностей

Max Hoffmann

Der Krieg der Versäumten Gelegenheiten

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2016

© А. Веселов, оформление, 2016

* * *

От издателя

В 1920 году генерал Карл Адольф Максимилиан Гофман дал интервью берлинской русскоязычной газете «Руль», названное «Генерал Гофман о борьбе с большевизмом». Выбор редакции был не случаен. В германском Генеральном штабе Макс Гофман считался одним из основных специалистов по России. Еще в конце XIX века он полгода провел в качестве военного атташе в Санкт-Петербурге, где усиленно изучал русский язык, да и впоследствии вся его деятельность была связана с Россией (или, если угодно, направлена против России).

В интервью генералу пришлось оправдывать свою деятельность по разложению русской армии с помощью большевиков. В опубликованной тремя годами позже книге «Война упущенных возможностей» Гофман пишет об этом гораздо подробнее. Его книга – чрезвычайно ценный документ именно русской истории. И хотя оценки его подчас весьма спорны (к примеру, он приписывает себе основные победы немецкого оружия на Восточном фронте, отодвигая на задний план и Гинденбурга, и Людендорфа), в изложении фактов он вполне точен.

Генерал Гофман сыграл основную роль в заключении Брестского мира с большевиками. Ради этого мира он создавал целые государства. «В действительности Украина –

это дело моих рук, а вовсе не творение сознательной воли русского народа. Никто другой, как я, создал Украину, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с одной частью России...» — говорил он еще в одном интервью. И пусть это во многом просто хлесткие фразы, события, описанные в книге, позволят читателю оценить роль генерала Гофмана в российской истории вплоть до наших дней.

Настоящей книге, как и первому изданию 1925 года, предпослана статья известного российского востоковеда Владимира Александровича Гурко-Кряжина. Несмотря на естественную для того времени политизированность и однобокость, предисловие это, написанное крупным ученым, остается не только документом эпохи, но и — местами — дает весьма точную оценку мемуарной работе немецкого генерала.

Предисловие

Генерал Гофман является для нас наиболее памятной фигурой из всех немецких военачальников эпохи мировой войны благодаря его участию в мирных переговорах в Брест-Литовске. Блестящая характеристика Гофмана и всех его соратников дана тов. Троцким в статье «Брестский этап», где он живописует их как «представителей могущественного тогда милитаризма, насквозь проникнутого победоносным солдафонством, кастовой надменностью и величайшим презрением ко всему не истинно гогенцоллернско-прусско-немецкому». Несколько дальше, говоря о самом Гофмане, тов. Троцкий указывает, что «во все время конференции он не переставал громыхать и угрожать нам – представителям побежденной страны».

Действительно, Гофман во всех отношениях является идеальным образчиком прусского солдафона. Даже его наруганность настолько ярко типична, что начинает уже переходить в карикатуру: круглое лицо с низким лбом, неподражаемо надменный взгляд, презрительно вздернутая толстая губа, совершенно одеревенелая фигура с выпяченной грудью – все это производит впечатление не реального человека, а скорее карикатурного портрета прусского генерала из *Simplicissimus*'а.

В своей книге «Война упущенных возможностей» (*Der*

Krieg der versdumten Gelegenheiten) Гофман рисуется, впрочем, не просто солдафоном, но вдобавок солдафоном, находящимся в оппозиции к своим собратьям. Задачей его является исследовать причину крушения германского империализма и найти лиц, виновных в этом. Свою задачу Гофман разрешает очень просто, «по-генеральски». Прежде всего, для него совершенно ясно, что крушение Германии сводится к определенному количеству проигранных сражений или же неправильно (с его точки зрения) выполненных операций. Главная часть его книги, не лишенная интереса для специалиста, и заключается в критике военных действий, в выявлении тех «возможностей», которые, будучи своевременно использованы, несомненно, обеспечили бы Германии победу или почетный мир. При такой упрощенной постановке проблемы сразу же выясняются и виновники проигранной войны; это, разумеется, те генералы, которые руководили операциями: Мольтке, Фалькенгайн и, наконец, Людендорф, с которым, кстати, отношения у Гофмана были испорчены, хотя Людендорф и характеризует его великодушно в своих «Воспоминаниях» как «чрезвычайно одаренного и прокладывающего себе дорогу офицера».

Правда, даже для других военных (Людендорфа, Тирпица) было ясно, что война, да еще такого масштаба, как мировая, не определяется лишь сражениями, что огромное значение имеют чисто политические факторы, так же как и экономические. Но бравый Гофман почти полностью игнорирует

все эти «невесомые данные» и судит обо всем, отправляясь исключительно от армии. Эта точка зрения, конечно, не случайна, и она вовсе не объясняется одной лишь ограниченностью Гофмана. Дело в том, что за последние три года войны в Германии фактически установилась военная диктатура. «Сверхчеловек» немецких милитаристов – Людендорф сумел сконцентрировать в ставке все нити внутренней и внешней жизни страны. Достаточно указать, что акт о восстановлении Польши был провозглашен по инициативе Людендорфа, закон о всеобщей трудовой повинности был разработан в ставке и т. д. и т. п. Недаром Эрцбергер указывает в своих мемуарах, что вплоть до перемирия Людендорф «оставался почти неограниченным властителем Германии и частью сам решал политические вопросы, частью существенно влиял на их решение». Отсюда становится вполне понятным, почему все мысли такого «идеального солдафона», как Гофман, исходили от армии и возвращались к ней. Политика, вернее дипломатия, являлась для него своего рода резонатором, чутко вибрирующим в ответ на все военные действия, удачные или неудачные сражения, планы ставки и пр.

В книге Гофмана, впрочем, для нас особенно интересна не эта полемически-военная сторона, а те материалы, которые имеют отношение к послеоктябрьской России.

Когда русский фронт рухнул, перед Германией, по его мнению, открылись две возможности: «или решиться на водворение порядка в России, заключить дружественный со-

юз с новым русским правительством, после чего обратиться к западу»... или использовать освободившиеся на русском фронте военные контингенты для решительной схватки на западе.

Как известно, временно был избран второй путь, повлекший брест-литовские мирные переговоры, причем необычайно комичное впечатление производят самооправдания Гофмана в том, что, посоветовав заключить мир с советским правительством, он «вовсе не хотел способствовать распространению большевизма...».

Наиболее яркие страницы его книги посвящены, как и надо было ожидать, брестским переговорам. Совершенно бессознательно Гофман раскрывает омерзительную картину тех мошеннических проделок, которые были задуманы, а частью и осуществлены правящими кругами Австрии и Германии на конференции. Достаточно указать на тот обман, который был допущен в вопросе о переброске германских войск с Восточного фронта на Западный, о котором с необычайной откровенностью повествует Гофман: как оказывается, еще до открытия переговоров в Бресте главная масса германских войск была переброшена на запад. «Я поэтому мог с легким сердцем согласиться с русскими», – цинично указывает Гофман. Ярко изображены трения на конференции между немецкой, австрийской и турецкой делегациями, аннексионистская подоплека немецкого требования о самоопределении Курляндии и Литвы и т. п. Наконец, особенно хорошо

освещена предательская роль, сыгранная в Бресте украинской мирной делегацией, которую, по выражению Людендорфа, «Гофман взял под свое особое покровительство». Вообще, роль, которую играл сам Гофман на конференции, можно охарактеризовать крылатой фразой Вильгельма II: «Где является гвардия, там нет места демократии».

Специфический интерес представляет глава, посвященная послебрестскому периоду отношений между Германией и Советской Россией.

Отметив те затруднения, которыми сопровождалась немецкая оккупация Украины и Прибалтики, Гофман сообщает план свержения советского правительства, который он, как оказывается, предлагал осуществить уже в начале 1918 года. Проект его заключался в движении немецких войск на Смоленск – Москву – Петроград, реставрации монархического правления (царевич, а при нем регент – великий князь Павел Александрович, с которым немецкое командование находилось в постоянных сношениях) и заключении с «Новой Россией» союзного договора на выгодных для нее условиях. Эти страницы книги Гофмана пополняются теми сведениями о предполагаемой ликвидации советской власти, которые мы находим у Людендорфа. Последний, убедившись, что мир на востоке в конце концов оказался весьма тяжелым «военным миром», начал развивать план «короткого удара» на Петроград при одновременном наступлении донских казаков на Москву. Таким путем можно было бы

устранить советское правительство и установить новое, зависимое от Германии. Переходя от слов к делу, Людендорф торопится оказать помощь Краснову, Скоропадскому и др., довольно комично в то же время негодуя на «нарушение» Россией Брестского договора. Характерно, что, стремясь консолидировать все антибольшевистские силы, Людендорф обращал свои благосклонные взоры и на Алексеева с его добровольческой армией. «Он действовал под английским влиянием, — замечает с характерным цинизмом Людендорф, — но я думаю, что он был настолько предан России, что перешел бы на нашу сторону, если бы мы свергли советское правительство».

История показала, что немецкие генералы просчитались в своих планах. В то время как они создавали свои проекты реставрации монархизма, революция уже стучала в двери Германии. «Сверхчеловек» милитаристов — Людендорф и его помощник — идеальный солдафон Гофман принуждены были очистить оккупированные ими на востоке территории, после чего быстро исчезла вся оставленная ими нечисть: державный гетман Скоропадский, генерал Краснов и др.

Свержение советской власти осталось, таким образом, для немецких генералов одной из «упущенных возможностей».

В. Гурко-Кряжин

Предисловие

Недавно пришлось мне прочесть в одной газете поступившее в редакцию письмо, в котором автор высказывает пожелание, чтобы всякий генерал или политик, который будет писать свои военные воспоминания или будет высказывать свои воззрения на войну и военное командование, привлекался бы к судебной ответственности и был бы заключен в исправительную тюрьму. Такого рода пожелания отнюдь не действуют вдохновляющим образом на того, кто сам принимается за писание своих воспоминаний о войне.

Я, конечно, прекрасно понимаю, что штатским надоело читать военную критику, и они могут сказать: «Какой смысл имеет теперь плакать о пролитом молоке?» И все же для очень и очень многих наших современников, и прежде всего для наших детей и вообще для нашего потомства, очень важно знать о тех, кто занимал положение, дававшее возможность наблюдать ход событий войны и излагать свои впечатления и мнения о ней. Ведь когда-нибудь в будущем смогут же беспристрастно судить о том, должны ли мы были неизбежно проиграть войну и на какие лица или обстоятельства падает вина в том, что мы ее проиграли.

Часто приходится слышать также мнение, что нетрудно-де критиковать поступки и упущения, когда видны все их последствия. В этом отношении я нахожусь в счастливом по-

ложении, так как во все время войны ежедневно в кратких письмах к жене я излагал свои взгляды и впечатления. Таким образом, я могу теперь ограничиться обоснованием моих выводов, опираясь на некогда мною написанное.

Хотя я и разделяю серьезные соображения о том, что мы еще не так далеко отошли от этих событий, чтобы быть в состоянии судить о них правильно, – тем не менее я решился выпустить в свет эту книгу.

Генерал-майор Гофман Шарлоттенбург, март 1923 г.

Глава первая. Несколько слов о Русско-японской войне

Приказ о мобилизации застал меня в Мюльгаузене (Эльзас), где я уже год как командовал батальоном в Баденском пехотном имени принца Вильгельма полку. По мобилизационному расписанию я еще два года тому назад должен был занять место «первого офицера Генерального штаба» при штабе армии, которой предстояло действовать на Восточном фронте.

Восточная граница мне хорошо была знакома: в Восточной Пруссии и Познани я служил лейтенантом и ротным командиром, а равно бывал и по различным назначениям Генерального штаба. Восточная Пруссия, где я прослужил семь лет, стала для меня второй родиной.

Русскую армию знал я теоретически и практически. По окончании военной академии и после экзамена по русскому языку я был командирован зимой в 1898–1899 годах на шесть месяцев в Россию. Затем пять лет я состоял в русском отделе Главного генерального штаба. Кроме того, я проделал всю русско-японскую кампанию в качестве военного атташе при японской армии. Находясь при 2-й японской дивизии, я видел, как русские сражались на Мотиенлинском перевале у Ляояна, на реке Шахэ и под Мукденом.

Скажу здесь, забегая несколько вперед, что в японской войне русские, несомненно, очень многому научились.

Если бы они в походе против нас вели себя столь же нерешительно, столь же мало и слабо наступали, так же боязливо реагировали бы на всякую фланговую угрозу, оставляли бы неиспользованными столько же резервов, как тогда, на полях Маньчжурии, то война была бы для нас гораздо более легкой.

Во всяком сражении победа давалась в руки Куропаткину, русскому главнокомандующему в войне против Японии. Ему нужна была только твердая решимость, чтобы удержать эту победу. Однако силы воли на это у него никогда не хватало.

Простейшим примером его тактики является битва при Ляояне. Японский фронтальный натиск с юга на Ляоян был отбит. Тогда генерал Куроки принял отважное решение переправиться с главными силами своей 1-й армии через реку Тайцзыхе, чтобы добиться развязки путем натиска на высоты восточнее Ляояна. Между Тайцзыхе и флангом гвардейской дивизии, сражавшейся на фронте 4-й японской армии, Куроки оставил всего шесть рот – это на протяжении примерно одной немецкой мили, – разбросанных кучками по торным вершинам. Они должны были внушать русским представление о непрерывности фронта. Стоило только русским двинуться вперед на этом участке – и судьба японской армии была бы решена. Гвардейская дивизия была бы взята в обхват, 4-я и 2-я японские армии отброшены на юго-запад, а Куроки оттеснен в горы.

Я сам пробыл тогда двое суток на участке одной из упомянутых японских рот. Густые линии русских в окопах имели мы от себя на расстоянии двух с половиной – трех тысяч метров, но они не шевелились. Когда потом войска Куроки оказались на северном берегу Тайцзыхе и 15-я бригада перешла в наступление на высоту, называвшуюся у японцев Мануйяма, а у русских Суквантун, то внимание и забота Куропаткина сосредоточились исключительно на этом пункте.

Главная масса его резервов была скучена против одного угрожаемого места и израсходована в напрасных контратаках против высоты, занятой 15-й бригадой.

На Южный фронт, где можно было бы иметь легкий успех, более не обращали никакого внимания, и, после неудачной попытки отбить высоту Суквантун, был отдан – без всякого на то основания – приказ об отступлении. Так было при Ляояне; нечто подобное же происходило на реке Шахэ и под Мукденом.

В войне с нами тактика у русских была уже иная. В походе против нас они более уже не повторяли ошибок японской войны. Одной из последних моих работ во время службы в русском отделе Главного генерального штаба было воспроизведение плана развертывания русских сил против Германии согласно имевшимся в нашем распоряжении сведениям.

Наша разведывательная часть в мирное время работала не очень хорошо. Главная причина этого заключалась в том, что в ее распоряжении не находилось больших сумм, нуж-

ных для того, чтобы иметь за границей агентов и шпионов.

Насколько я теперь помню, только один раз, в 1902 году, удалось нам купить весь план русского развертывания сил у одного полковника русского Генерального штаба. С этого времени – мы знали – русский мобилизационный план был изменен, но как – это долго для нас было неясным.

В 1910 году, если не ошибаюсь, начальнику разведки штаба 1-го армейского корпуса в Кенигсберге, капитану Николаи, удалось добыть приказ о пограничном охранении, полученный одной из частей русской 26-й дивизии в Ковно. Из приказа видно было, что русские из находящихся в их распоряжении войск в первую очередь развертывали против нас две армии: так называемую виленскую армию и варшавскую.

Обе армии должны были начать наступление на Восточную Пруссию – одна к северу, другая к югу от Мазурских озер. Внутренние фланги обеих армий должны были продвигаться в направлении на Гердауен, стремясь к соединению позади цепи Мазурских озер. О составе этих армий находившийся в наших руках приказ никаких сведений не давал. В них, очевидно, должны были войти войска Варшавского и Виленского военных округов; войска Киевского и Одесского округов и южной части Варшавского округа следовало считать предназначенными для действий против Австро-Венгрии. Но мы ничего не знали о назначении войск из округов Петербургского, Финляндского, Московского, Казанского, Кавказского и округов сибирских. Что касается послед-

них, то Генеральный штаб не предполагал – по крайней мере, когда я работал в русском отделе (осень 1911 года), – что русские в состоянии будут все свои восточносибирские войска перебросить в Европу.

У нас тогда думали, что нашей дипломатии удастся удержать Японию от вступления в ряды наших врагов. Если бы нашему Министерству иностранных дел удалось это выполнить, то русские были бы вынуждены, по крайней мере, часть своих восточносибирских войск оставить на Дальнем Востоке.

Сам я, во всяком случае, не мог подавить в себе некоторого беспокойства насчет наших отношений с Японией.

Я невольно вспоминал мнение, высказанное весной 1904 года тогдашним японским военным министром Тераучи. Про него говорили, будто он к нам, немцам, не очень расположен. Как-то на одном обеде речь зашла именно об этом. Тераучи признал, что это так, но добавил, что он имел в виду не германских военных, а германскую политику, так как на Германии лежит доля ответственности за ту войну, которую ныне Япония должна вести против России.

«В 1894 году мы взяли у китайцев Порт-Артур и владели им, – сказал Тераучи. – Ультиматум Германии, России и Франции вынудил нас вернуть Порт-Артур китайцам; что Россия прибегла к ультиматуму – это было понятно: она сама стремилась в Порт-Артур и в незамерзающий порт Дальний; что Франция поддержала Россию – это было естествен-

но, ибо она была с нею в союзе. Но какое вам было до этого дело?»

Над этим вопросом я призадумался, когда узнал, что тогдашний наш посланник в Токио (насколько мне стало известно, не в очень ловкой форме и без соответствующих инструкций из Берлина) позволил своим более умным коллегам из Парижа и Петербурга при передаче ультиматума выдвинуть на первый план себя.

Я вспоминал, как зимой 1905 года я остановился с женой около чайного домика в Симоносеки – городке, в котором подписан был японо-китайский мир, – и как я с опасением сказал: «Будем надеяться, что нам за эту глупость не придется когда-нибудь платить».

К сожалению, мои опасения сбылись: японский ультиматум, вызвавший у нас такую бурю негодования, явился буквальным переводом ультиматума 1894 года, только вместо слов «Порт-Артур» теперь поставлено было «Тзинг-Тау».

Выше я упомянул о генерале Тераучи. В первом походе, в котором ему, молодым еще человеком, пришлось принять участие – это было во время гражданской войны 1868 года, – он был ранен стрелой из лука. От этой раны он стал сухоруким.

Тераучи всегда представлялся мне символом быстрого развития японской армии. Армия эта в течение тридцати лет прошла расстояние, отделяющее вооружение луком и стрелами от вооружения современными пулеметами и автомати-

ческими ружьями, а тот, кто в юности своей сражался в ее рядах при помощи лука и стрел, – тот на старости лет стал военным министром при современной армии в современной же войне.

Что касается принципов обучения японской армии, то тут, когда начали изучать европейские образцы, боролись два направления: представители одного высказывались за французский метод, представители другого – за германский. Последние одержали верх в связи с деятельностью известного генерала Мекеля в качестве преподавателя в японской военной академии.

К началу войны все войско обучено было по германскому уставу. Все инструкции и приказы были без изменения переведены на японский язык. Равным образом были приняты меры к тому, чтобы поставить по германскому же методу обучение офицеров Генерального штаба. Таким образом, наши германские основы обучения и командования были испытаны на войне, и мы могли быть довольны полученными результатами. Успех наших методов укрепил в японцах веру в наше военное искусство.

По окончании войны я пришел проститься к генералу Фуджи, начальнику штаба 1-й японской армии. Я сказал ему, что с нетерпением ожидаю узнать, какие изменения внесены будут в японский устав на основании опыта войны. Он ответил мне: «Я тоже. Мы посмотрим, какие новые инструкции изданы будут в Германии на основании донесений при-

командированных к нашей армии офицеров. Тогда мы эти инструкции переведем, как это делали и раньше».

Я не хотел бы закончить главу моих воспоминаний о Японии, не упомянув о некоторых иностранных военных атташе, с которыми меня свел случай в 1-й армии Куроки. Им суждено было сыграть исключительную роль в мировой войне. Кроме известного английского генерала сэра Джона Гамильтона и майора Кавиглиа, впоследствии итальянского военного министра, к их числу принадлежали трое американцев: полковник Краудер и штаб-офицеры Пейтон-Марч и Першинг. В мировой войне получили известность: полковник Краудер как организатор, Пейтон-Марч как начальник Генерального штаба и Першинг как главнокомандующий новой американской армии.

Я был в большой дружбе с капитаном Марчем, дававшим мне уроки английского языка. Он мне особенно нравился широтой своего военного кругозора, свойственной образованному уму, и своим открытым прямым характером.

Как я уже упомянул выше, русские многому научились во время японской войны. Характерно для русской действительности, что эти успехи скорее следует приписать личной инициативе отдельных лиц, чем распорядительности центральных властей.

Генерал Ренненкампф, не очень отличившийся как военачальник во время японской войны, составил на основании опыта этой войны проект нового устава для пехоты. Он ввел

его сначала в своем 3-м корпусе, а позже, уже будучи командующим Виленским военным округом, и в войсках этого округа. Этот проект был затем, в качестве временного, введен во всей русской армии, но до выработки постоянного устава дело так и не дошло.

На вопрос о том, какое назначение даст русское командование главной массе своих войск, с нашей военной точки зрения следовало бы ответить, что самым естественным и правильным было бы направление их против нас, против Германии. Мы были сильнейшим противником; если бы удалось нас победить, то война против Австрии была бы детской игрой. Поэтому я думаю, что если бы германский Генеральный штаб распоряжался русскими войсками, то против Австрии были бы назначены действовать оборонительно войска Киевского и Одесского военных округов, все же остальные силы были бы направлены против Германии.

Если бы русское командование стало на эту правильную точку зрения, то прошло бы, во всяком случае, много недель до окончания развертывания русских сил на германской границе, до сосредоточения всех частей, включая и сибирские.

Подобно тому, как неизвестно было нам назначение главных русских сил, так же неведома была нам и организация тех миллионов солдат старших призывов, находившихся в распоряжении русского командования.

До японской войны Россия, в противоположность германской и французской практике, стояла на той точке зрения,

что уже в мирное время ей нужны некоторые кадровые части на случай мобилизации резервных войск. При недостаточном умственном развитии русского солдата, при недостатке в офицерах и в унтер-офицерах запаса такая точка зрения была, конечно, правильной. Для этой цели имелся ряд резервных бригад. При мобилизации путем удвоения их развертывали в «первоочередные резервные дивизии», а путем учетверения – во «второочередные резервные дивизии».

В японскую войну образованные таким путем резервные дивизии оказались, по-видимому, неудовлетворительными. Напомню неудачу резервной дивизии Орлова у Янтайских угольных копей. Среди густого гаоляна, стебли которого, вышиной в два-три метра, исключали всякую возможность осмотреться, эта дивизия неожиданно натолкнулась на бригаду 12-й японской дивизии. Японцы ударили в штыки и отбросили почти без сопротивления дивизию Орлова. Поэтому после войны резервные бригады были распущены, и было введено формирование резервных дивизий по французскому образцу и под французским руководством.

Нам неизвестно было, сколько будет выставлено таких дивизий, сколько времени уйдет на их развертывание, будут ли они сведены в резервные корпуса и т. д.

Глава вторая. Отозвание генерала фон Притвиц-Гаффона

К вечеру первого дня мобилизации я прибыл в Познань – центральный пункт мобилизации 8-й армии. Во главе этой армии стоял генерал-полковник фон Притвиц-Гаффон.

Корпус генерала Войрша имел особое назначение: он должен был участвовать в наступлении австрийцев, находясь на их крайнем левом фланге. Для выполнения возложенной на него задачи этот корпус был снабжен далеко не достаточно. Он нуждался прежде всего в тяжелой артиллерии и в санитарных учреждениях – последнее обстоятельство можно было назвать прямо-таки преступным упущением.

Командование 8-й армией могло оказывать на действия корпуса весьма слабое влияние. Телефонная связь поставлена была слабо, и во время наступления корпуса она, за отсутствием материала, совсем оборвалась.

Мне удалось лишь два раза в начале военных действий установить телефонную связь с корпусом, причем меня тут ожидала очень приятная неожиданность. На мой телефонный вызов мне ответил мой лучший друг подполковник Кундт, один из наших одареннейших и умнейших офицеров Генерального штаба. Я думал, что он находится в Южной Америке, так как он перед войной получил, как и некоторые

другие офицеры, отпуск в Боливию. Но перед самым началом военных действий он получил отпуск на родину и успел счастливо добраться в Германию. Таким образом я узнал, что один из способнейших наших офицеров находится в рядах моих соратников.

Нашей армии поручено было защищать Восточную и Западную Пруссию от нападения русских. При этом она должна была стараться, в случае нападения превосходных сил, не дать себя окончательно разбить и равным образом не дать себя оттеснить в крепость Кенигсберг. На случай такого нападения в операционном плане имелось указание очистить Пруссию к востоку от Вислы и отвести армию за реку.

Такое указание операционного плана, безусловно, содержало в себе большую психологическую опасность для людей со слабыми нервами, но в остальном ни оно само, ни численность предназначенных для Восточной Пруссии сил не являлось для нас неожиданностью и в общем совпадало с нашими предположениями.

Как это теперь всем известно, военный план графа Шлиффена, прежнего начальника Генерального штаба, предусматривал в случае войны на два фронта наступление главных германских сил на западной границе сильным правым флангом с внезапным походом через Бельгию, чтобы охватить северное крыло французских войск и опрокинуть его. Таким образом предполагалось быстро добиться развязки на западе. Восточный фронт тем временем должен был обходиться

своими собственными силами и на помощь с другого фронта мог рассчитывать лишь с момента наступления развязки на западе. С этой идеей мы, штабные офицеры шлиффенской школы, вполне освоились. Мы много раз имели с ней дело в больших военных играх и полевых поездках Генерального штаба.

Командующий армией генерал фон Притвиц в мирное время мне был известен как умный, порой немного резкий начальник. Я также хорошо знал начальника штаба, генерал-майора графа фон Вальдерзее. Он имел репутацию высокообразованного и дельного штабного офицера. При объявлении мобилизации он был обер-квартирмейстером, то есть принадлежал к числу наилучших офицеров Генерального штаба в должности начальника штаба корпуса. К сожалению, он не мог проявить всей полноты своих знаний, так как он перенес незадолго перед войной тяжелую операцию, от последствий которой его потрясенная нервная система еще не оправилась.

Первый обмен мнений между мной и начальником штаба о предстоящей нашей армии задаче коснулся следующих вопросов: нас не беспокоила многократно уже обсуждавшаяся возможность кавалерийских атак большими массами неприятеля. С ними управились бы войска, охранявшие границу. Нам даже желательно было, чтобы русские в действительности предприняли такого рода атаку и при этом сразу потерпели бы неудачу. Прежде же всего наша армия должна была

считаться с возможностью наступления известных нам уже армий, варшавской и виленской. Можно было предвидеть, что они составятся из войск Виленского и Варшавского военных округов (за исключением 14-го армейского корпуса, расположенного на австро-венгерской границе).

Мы допускали, что выступление обеих армий последует между 15–20 августа; их мобилизация могла закончиться к 15-му числу, и их развертывание должно бы занять немного времени, так как они стояли гарнизонами неподалеку от границы, но вряд ли можно было допустить, чтобы силы эти подкреплены были частями из Петербургского и Московского округов. Надо было полагать, что в районе Гродно – сообразно русским военным обычаям – развернуты будут войска в качестве резерва и для связи обеих армий. Резервные части к этому времени, вероятно, не успеют на место назначения, так как для формирования их потребуется более значительное время.

При вступлении на германскую территорию наступление русских войск разрывалось преградой Мазурских озер. Русские могли наступать только одной армией севернее, другой – южнее сети озер. Следовательно, наша армия должна была подготовиться к тому, чтобы атаковать и разбить какую-либо из русских армий в момент разобщения их Мазурскими озерами. Пока нельзя еще было предвидеть, которая из них предоставит нам для этого наилучшую возможность. Однако можно было предполагать, что виленская армия скорее вы-

ступит на арену, чем варшавская, которой приходилось пробиваться к нашей границе через довольно-таки бездорожную, болотистую и лесистую местность.

Последовавшие события подтвердили в общем правильность наших предположений. В ближайшие дни русскими предприняты были мелкие кавалерийские атаки, которые с легкостью были отбиты. На востоке виленская армия сильными отрядами продвигалась к нашей границе, в то время как на южной границе Восточной и Западной Пруссии было пока сравнительно спокойно.

Рекогносцировка против варшавской армии была чрезвычайно затруднительна. Шпионы, из польских евреев, доставившие в первые дни кое-какие сведения, становились бесполезны по мере более тесного занятия русскими границы. В распоряжении армии находился лишь один отряд летчиков, который вынужден был ограничиться единственно тем, чтобы дважды в день производить воздушную разведку путей, ведущих к границе. Но даже и при этих условиях не последовало бы неожиданного для нас появления варшавской армии, если бы русские не были настолько осторожны, совершая свои переходы ночью, а днем отдыхая в закрытых местах. Мобилизация и развертывание нашей армии завершились полностью по предусмотренному плану. 8 августа командующий прибыл со штабом в Мариенбург и в тот же день вступил в командование армией.

Еще до прибытия в Мариенбург между штабом армии и

командиром 1-го армейского корпуса, генералом фон Франсуа, начался конфликт. Генерал Франсуа чувствовал себя в качестве командира восточнопрусского корпуса как бы особенно призванным защищать Восточную Пруссию. Он стремился — по мотивам, с его точки зрения, понятным — к тому, чтобы ни один русский не вступил на восточнопрусскую землю и чтобы ни одна восточнопруская деревня не испытала на себе ужасов войны. Он был того мнения, что следует придерживаться наступательной тактики при обороне границы от наступления неприятеля, и хотел путем отдельных коротких ударов держать русские пограничные части вдали от границы. При этом генерал Франсуа упустил из виду, что таким путем 1-й армейский корпус уходит из рамок армии. Если бы даже командующий армией согласился с его планом, то и тогда могло случиться, что армия вынуждена была бы поддерживать 1-й армейский корпус на границе и даже к востоку от нее; тем самым армия была бы раздроблена и была бы вынуждена принять сражение впереди Мазурских озер, утратив, таким образом, выгоды от их географического положения. Кроме того, генерал Франсуа допустил ошибку, не сообщив о своих намерениях командованию армии. В результате штаб армии полагал, что ядро 1-го армейского корпуса стоит на реке Ангерап, тогда как в действительности оно продвинулось вперед на восток.

Из поступивших до 14 августа о неприятеле сведений вытекало, что противник с большими силами наступает южнее

и севернее Роминтенского леса и что особенно оживленную деятельность он проявляет южнее этого леса. Отсюда командование армией заключило, что виленская армия, как это всегда предполагалось, выступила раньше варшавской. К тому же сведения летчиков по-прежнему подтверждали, что на путях с юга никакого движения не замечается. Командованием принято было решение расположить главные силы армии для атаки против виленской армии.

Ввиду предстоящей битвы штаб армии был переведен вечером того дня из Мариенбурга в Бартенштейн.

17 августа генерал-майор граф Вальдерзее, к великому своему удивлению, получил донесение от начальника штаба 1-го армейского корпуса о том, что генерал Франсуа не выполнил данного ему приказа, перешел с большей частью своих сил в наступление и под Сталюпененом вступил в бой. Командование армией распорядилось по телефону и телеграфу прекратить бой. Генерал-квартирмейстер Грюнерт послан был на автомобиле к генералу Франсуа, чтобы лично передать последнему этот приказ.

По поводу самовольных действий генерала Франсуа невольно напрашивается сравнение с событиями, имевшими место в союзной австро-венгерской армии в битве под Львовом. Там генерал Брудерман также имел приказ приготовиться со своими войсками и выжидать, но в нападение перейти лишь тогда, когда получено будет распоряжение Верховного командования. Вопреки ясно выраженному прика-

занию генерал Брудерман самовольно перешел в наступление и тем самым значительно поспособствовал потере Львовского сражения. Не могу судить о том, можно ли было путем энергичного вмешательства Верховного командования удержать Брудермана. В случае с генералом Франсуа все-таки удалось вовремя вывести корпус из сферы огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.